

Оборотная сторона сказки

Татьяна Маврина в Русском музее

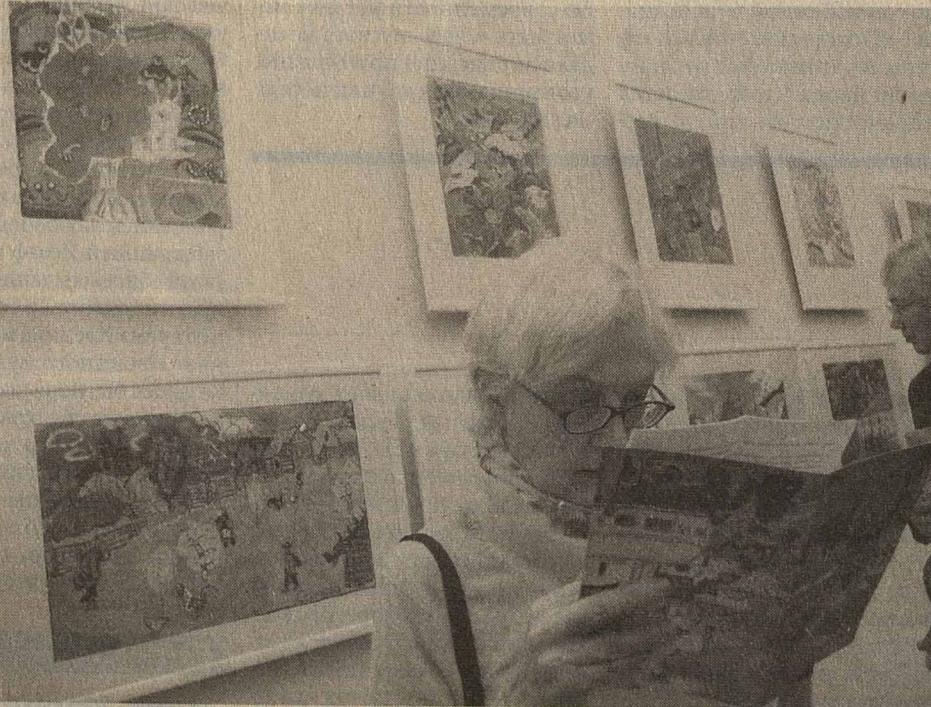
Коммерсантъ. — 2005. — 13 янв. — с. 13

выставка живопись

В Русском музее проходит небольшая ретроспектива Татьяны Мавриной (1902–1996). Полсотни акварелей, сделанных за полсотни с лишним лет, с конца 1920-х до конца 1980-х, оказалось достаточно, чтобы представить художнику с «другой», нехрестоматийной стороны. Комментирует АННА ТОЛСТОВА.

От официальной Татьяны Алексеевны Мавриной, заслуженного художника РСФСР, лауреата Госпремии СССР, единственного из советских иллюстраторов обладателя золотой медали Ганса Христиана Андерсена, наконец, просто автора картинок с гусями-лебедями и котами-кофейчами, известных каждому читателю сказок, народных и пушкинских, лет этак с трех, здесь почти ничего нет. Всего две «сказочные» акварельки — к «По щучьему велению» и «Сказке о семи Симеонах».

Остальное — из Мавриной неофициальной, вхутемасовки и «формалистки», фальковской ученицы и участницы разруженной критикой в пух и прах группы «Тринадцать». Свободная, местами откровенно французская — во славу фовистов и Дию — живопись, которую бдительная критика в 1931-м чутко квалифицировала как «вылазку буржуазных художников, сознательно работающих на западного потребителя». Вместо дейнековского оптимизма до одури — сдержанное обещание счастья, пространства, залитые неулыбчивым солнцем Марке. Букеты, в начале тридцатых даже менее энергичные, чем в восьмидесятые, когда она, уже не выходившая на улицу, писала принесенные друзьями цветы на фоне окна. Виды Москвы, которую не трудно пе-

В Русском музее посетителям, ожидавшим встретить художницу из своих детских воспоминаний, приходится срочно знакомиться со взрослой Мавриной ФОТО СЕРГЕЯ СЕМЕНОВА

репутать с Парижем. Знаменитые «нюшки» (по преданию, само это словцо в художнический жаргон запустила Маврина) — паренуровски дебелье и глуповатые, пышущие здоровьем дамы. Причем моделью тут послужила ни больше ни меньше Ольга Гильдебрандт-Арбенина. Обладательница паренуровских форм, одна из роковых красавиц петроградского Серебряного века,

вдохновившая Осипа Мандельштама на «Возьми на радость из моих ладоней», а Николая Гумилева — на «Сентиментальное путешествие», как раз входила в число «Тринадцати», потребителем которых в Ленинграде был вообще-то круг Михаила Кузмина. Так что можно даже подумать, будто и псевдоним Маврина был взят Татьяной, на самом деле Лебедевой, специально для

ленинградской аудитории: чтобы с «нюшками» местного мэтра Владимира Лебедева не путали.

Это раннее мавринское, конечно же, буржуазное насквозь искусство дышит жаждой каких-то других жизни и живописи, тоской по какой-то богемной парижско-берлинской вольнице, которая у художников злополучной чертовой дюжины не состоялась да и не могла состояться. Ввиду чего годы безработицы, когда ее «взрослые» иллюстрации не принимало ни одно издательство, надо считать закономерностью, а пришедшую позднее, на волне государственной русофилии, славу — случайностью. И бесконечные поездки Мавриной по городам и весям Золотого кольца, с рисованием луковичных куполов и шатровых колоколенок, с собиранием икон, лубков и расписных прялок, что по официальной версии, после победы над космополитизмом и спущенной сверху модой на *a la russe*, трактовалось в духе «припасть к истокам», кажется теперь чем-то вроде матиссовских паломничеств в Марокко. И не почвеннический, а именно западнический эстетствующий глаз мог найти бог весть в какой дыре иконостас изографа Иоанна Тимофеева со сценой сотворения Адама и Евы прямо-таки в духе Таможенника Руссо (кое-что из уникальной коллекции икон, которую художница вместе со своими работами незадолго до смерти передала Русскому музею, тоже выставлено). Просто обстоятельства наконец сложились для Мавриной удачно: в пушкинском Лукоморье она обустроила свою собственную, пряничную, в городецко-холмской цветочечек Аркадию.